

ЕЩЕ ОДНА ТРАГЕДИЙНАЯ

Все мы знаем замечательного мастера сцены и кино Бориса Чиркова как актера многогранного, привыкли в каждом его создании видеть большой обобщенный образ, вбирающий в себя сложную человеческую биографию, и все же... Недавно в Московском театре имени Н. В. Гоголя состоялась премьера «Дела» Сухово-Кобылина.

Можно поспорить с режиссером В. Ланским о том, насколько правомерно членить первую половину пьесы на эпизоды и играть ее в одной обстановке, но несомненно и то, что тем самым как бы оттеняется мощное реалистическое мастерство Б. Чиркова. Его Муромский — вначале тихий, по-домашнему уютный, немолодой, приехавший из провинции помещик, любящий отца, простой, близкий к природе человек. Он бесконечно далек от грязного мира судебной казуистики. Внутренняя порядочность делает его подчас крайне наивным, патриархально устойчивые воззрения на мир мешают понять людскую низость. Уверившись, что взятка — единственный путь для спасения дочери, преодолев жесточайшее внутреннее сопротивление, Муромский отправляется к чиновнику, от которого зависит его судьба, к Варравину.

И — о сложность человеческого бытия! — он вдруг проявляет сноровистость и понимание обстоятельств. Обессилев в поединке с сильнейшим, пожелавшим обобрать его до нитки, пустить по миру, в негодовании он покидает присутственное место. Все еще веря в справедливость, он отправляется в самую высшую инстанцию к «весьма важному лицу», к князю, и здесь в этой сцене, казалось бы, неожиданно, но по глубокой правде человеческого характера проявляется трагедийный взлет темперамента Муромского.

Не щадя себя, с полной актерской отдачей ведет Б. Чирков эту сцену.

Лицо Муромского краснеет, речь становится отрывистой, дыхание спирает грудь, он во власти одной идеи — спасти дочь, доказать свою правоту. В нем проснулся дух прежних воинских подвигов, и бывший отважный капитан идет на князя, как хаживал на приступ, с той же героической отвагой и жаждой победы. Но, увы, ничего доказать он не может, его никто не хочет понять. Муромский осознает свою беззащитность, и оттого, мы это ощущаем, потемнело у него в глазах, подкосились ноги и он в изнеможении опустился на диван.

Спасения нет, надо смириться, отдать последнюю рубашку, но откупиться. Далее следует тихая, умирительная по душевной чистоте и мягкости сцена с сестрой и дочерью, которые отдают ему свои драгоценности, чтобы дополнить недостающую сумму. Измученный, он возвращается к Варравину, и тот наносит ему еще один удар, украв собранные с трудом деньги. Последний трагический взлет прозрения, ужаса, и Муромского вынесут для того, чтобы в карете по дороге к дому он принял смерть.

Но вспышку правого гнета как проявление последних душевных сил мы уже видели и понимаем, что подобная трагедия могла обернуться только смертью.

Актер играл в театре роли трагедийные — Кузовкина в «Нахлебнике» И. С. Тургенева, Миколу Задорожного в «Украденном счастье» Ивана Франко, но это было давно: в 50—60-е годы, и уже забылось, что Б. Чирков — прославленный Максим — является также создателем ролей трагедийного плана. Тем более приятно, что в наши дни актер с молодой влюбленностью в театр отдает зрителям весь жар своей души, заставляя их трепетно переживать, сострадая судьбе Муромского.

И. КРЯКОВА.

816, 60Н 72

МАССОВЫЕ СРЕДСТВА ССЫЛКИ